

Первая встрѣча съ лисой.

(Посвящается П. М. Мачеварианову и Н. П. Ермолову).

Вамъ, такъ сочувственно отнесшимся къ моимъ охотничьимъ взглядамъ, я рѣшаюсь посвятить этотъ маленький эпизодъ изъ моей охотничьей жизни. Быть можетъ промахи моего незатѣливаго разсказа и вызовутъ заслуженныя улыбки ветерановъ... смиренно ихъ перенесу, зная напередъ, что вы великодушно отнесетесь къ моему еще неумѣлому перу, вспомнивъ, что я рѣшилась вновь взяться за него лишь вслѣдствіе любезнаго вашего вызова.

„Всякъ сверчокъ—знай свой шестокъ!“ подумаютъ, быть можетъ, читатели журнала „Природа и Охота“, увидавъ на его страницахъ мою незатѣливую статейку;—да еще хорошо, если только подумаютъ, а то, пожалуй, окрестятъ немвродомъ въ юбкѣ, да и осмѣютъ печатно. Ѣздить на охоту женщинѣ—и то ужъ дѣло совсѣмъ неподходящее, а тутъ женщина вздумала еще описывать свои охотничьи впечатлѣнія!—Ну, да волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить!.. И вотъ, хотя для сравненія впечатлѣній, испытываемыхъ при видѣ краснаго звѣря охотниками-мужчинами, съ тѣми впечатлѣніями, которыя испытываемъ мы, слабыя женщины—охотницы, я рѣшаюсь описать мою первую встрѣчу съ лисой. Nonni soit qui mal y pense.

Настала желанная осень. Отлетаютъ, частью уже и отлетѣли наши заморскіе гости. Октябрь вступилъ въ свои права, а съ нимъ появились изморози, слякоть, легонькіе заморозки и т. п. невзгоды. Морщится православный людъ, забнетъ и не радуется непріятному осеннему времени; веселится лишь охотничье сердце, сердце поклонниковъ псовой погѣхи. Наконецъ-то пришелъ и на ихъ улицу праздникъ. Времени терять некогда, —охота чуть не ежедневно; объ

усталости нѣтъ и рѣчи,—длинная снѣжная сима впереди, тогда и поневолѣ придется отдыхать.

Моя печальная мина, при сборахъ мужа на охоту, тронула наконецъ его сердце и въ эту осень меня не разъ брали охотиться съ гончими; удавалось мнѣ проѣхаться и въ наѣздку. Разрѣшивъ охоту съ ружьемъ по птицѣ, мужъ мой, по необъяснимой для меня причинѣ, крайне несимпатично относился къ моему желанію ѣздить съ борзыми и чаще всего на охоту съ гончими бралъ меня съ ружьемъ.

Настоящая охота еще не начиналась; сентябрь на бѣду былъ жаркій, и мои охотничьи походы ограничились нѣсколькими протравленными русаками, да немилосердно огорчительными пуделями по бѣлякамъ. Наканунѣ незабвеннаго для меня дня, счастье однако улыбнулось мнѣ, и я, въ наѣздку, своей сворой затравила двухъ зайцевъ. Сильный вѣтеръ съ мелкимъ пронизывающимъ дождемъ рано вернулъ насъ домой.

Вѣсть о моемъ торжествѣ опередила меня. Нянька, экономка, горничныя, кухарка и скотницы, встрѣтивъ меня, наперерывъ другъ передъ другомъ поздравляли съ полемъ.

— Мама! мама! это вы поймали зайчика?—Мама, это которая? Разбойка? да?! Тоболка?—допытывали меня дѣти, весело попрыгивая около моихъ трофеевъ, съ особенною торжественностью ввѣщенныхъ чуть-ли не въ гостиную самимъ Миномъ Семеновымъ.

Вечеромъ, сидя у камелька, мужъ обсуждалъ новый планъ охоты. Приѣхавшій сосѣдъ нашъ Коровинъ привезъ извѣстіе, что небо прояснилось и слегка подмораживаетъ. На охотничьемъ совѣтѣ было рѣшено на утро брать Сычевскій кустъ, куда, по словамъ сосѣднихъ крестьянъ, подшатывались волки; оттуда пройти къ Назарьевскимъ таламъ и, взявши ихъ, вернуться къ дому, проравнившись Устеренскими буграми. Сборнымъ мѣстомъ назначена деревня Сычевка, куда надлежало прибыть къ 9 часамъ утра—мнѣ и мужу съ ружьями, Мину Семеновичу съ четырьмя смычками гончихъ, выжлятникомъ и нашими верховыми лошадьми, Коровину съ моимъ стремяннымъ и двумя борзятниками, т. е. съ четырьмя сворами борзыхъ. Затѣмъ единогласно постановлено было немедленно разойтись, дабы не опоздать.

Не спалось мнѣ въ эту памятную ночь. Въ 7 часовъ утра я, уже совсѣмъ готовая къ предстоящей экскурсіи, поила мужа чаемъ и отдавала послѣднія приказанія по дому. Въ 8 часовъ мы двинулись въ путь на легкихъ полевыхъ тарансикахъ, заложенныхъ парой.

Утро было свѣжее, тихое. Солнышко лѣниво поднималось надъ горизонтомъ, и застывшая отъ легкаго ночного морозца земля постепенно отходила, подъ вліяніемъ его теплыхъ лучей. Это была моя первая охотничья осень; осенняя природа производила на меня чарующее впечатлѣніе, и одна за другой смѣнялись въ моемъ воображеніи картины охоты, въ которыхъ мнѣ приходилось принимать участіе. Мужъ, сидя верхомъ на тарантасикѣ и держа на колѣняхъ наши ружья, повидимому безучастно относился ко всему окружающему, только одни глаза его, устремленные впередъ, указывали на то, что онъ всѣмъ существомъ своимъ былъ тамъ, у того кустика, куда мы стремились. Незамѣтно, для меня, покрайней мѣрѣ, проѣхали мы 12 верстъ, отдѣляющія наше помѣстье отъ Сычевки. Мы ѣхали молча, и я всецѣло углубилась въ міръ своихъ фантазій, пока громкое восклицаніе моего мужа: „Здравствуйте, други!“, обращенное къ поджидавшей насъ группѣ охотниковъ, не вывело меня изъ моей задумчивости.

— А барынька-то у насъ никакъ заснула? обратился ко мнѣ Василій Ивановичъ Коровинъ, окинувъ меня ласковымъ взглядомъ, какъ обыкновенно смотрятъ на выкинувшаго невинную шалость ребенка.

— Ну-съ! Ну-съ! приказывайте! заездили онъ, уже обращаясь къ мужу. — Кому куда? Вы вѣдь вѣчно опаздываете!

Послѣдовали распоряженія откуда напускать, гдѣ становиться.

— Ну, съ Богомъ, благословляйтесь! обратился мужъ къ охотникамъ, когда всѣ приказанія были отданы. — Садись! грозно сказалъ онъ мнѣ.

Мы на тарантасикѣ подѣхали къ островку, виднѣвшемуся въ верстѣ отъ деревни, подъ маленькимъ угоромъ. Болотистый островокъ, десятинъ 7 длиною, съ крохотнымъ озерцомъ посерединѣ и необыкновенно густою, хотя и невысокою растительностью, со всѣхъ сторонъ окаймлялся, сажень на 200, потной луговиной, отдѣлявшей его отъ пахатныхъ полей и крутого глинистаго оврага. Узкая, глубокая, сплошь проросшая осокой канава, для стока воды, отъ островка перерѣзывала луговину почти до самаго оврага.

Мы подѣхали къ опушкѣ, гдѣ и дожидались пока экипажъ съ нашими верховыми лошадьми и остальные охотники не установились на указанныхъ имъ мѣстахъ. Наконецъ мужъ подалъ сигналъ напуска и мы взошли въ опушку.

— Полѣзъ! Собаченьки полѣзъ! ну-ка-ну! охо-охо! Тутъ былъ! тамъ лежалъ! Грибки копалъ, за ушкомъ чесалъ! Сыщи его!.. Крикни!

Ну-у! Бушуй-уй! Отъ ту-утъ! раздалось съ противоположнаго конца лѣсочка зычное поахиваніе Мина...

Мужъ поставилъ меня у самаго озерца, на маленькой прогалинѣ, отъ которой начиналась помянутая мною канавка, а самъ скрылся въ чащѣ.

Свѣжій воздухъ обдалъ меня легкой дрожью, сознание относительной безпомощности и самостоятельности не то страха, не то радости, охватило меня!.. Не это-ли называется охотничьей лихорадкой? думалось мнѣ.

Прошло нѣсколько мгновений... вдругъ визгливо сиповатый взлай Бушуя учащенно раздался въ кустахъ.— „Чу-чу! къ нему! и дружно подвалившая стая поменула по горячему слѣду опушкой удиравшаго отъ непривычнаго гама звѣря.

Хлопанье арапниковъ, крики „ту его! стой! о-го-го-го! куда полѣзъ? слились въ одинъ общій аккордъ, возвѣстивши конецъ перваго дѣйствія и торжество борзятника, овладѣвшаго, послѣ лихихъ угонокъ, матерымъ русакомъ.

На призывъ псара гончія опять ввалились въ опушку. Не прошло минуты и мой любимецъ Бушуй горячо отозвался, а за нимъ зарыдали и остальные собаки... Пошла потѣха! то гулко раздается могучій гонъ по красному, то вдругъ какъ обрѣзанный замолкаетъ, для того чтобы черезъ мгновение раздаться съ новой силой. Загудѣлъ и рогъ Мина по лѣсѣ. „Ахъ! ахъ! у-лю-лю! ахъ! ахъ! улю-лю!“ примѣшивается голосъ подпсарка къ ревущей дружнымъ хоромъ стаѣ.

Я вся превратилась въ слухъ. Сердце замерло отъ волненія... Уже нѣсколько разъ чуть уловимый шорохъ заставлялъ меня вздрагивать... Гонъ приближался ко мнѣ; шорохъ усилился... Нѣтъ сомнѣнія, что-то осторожно пробирается въ кустахъ... Скоро оно должно показаться на прогалинѣ вправо отъ меня. Судорожно сжимаемое мной ружье, со взведенными курками, замѣтно трясется въ моихъ дрожащихъ рукахъ. Еще мгновение и вдругъ слѣва, какъ будто легкой прыжекъ... одинъ, другой... Я оборачиваюсь и замираю на мѣстѣ... Передо мной, шагахъ въ пяти, въ такой же удивленной позѣ, вся откачнувшись назадъ отъ неожиданности и испуга, съ широко раскрытыми глазами, искрящимися хитростью и страхомъ, стоитъ краса нашихъ лѣсовъ... Я забыла, что у меня есть ружье, что я могу ее убить... Я вся превратилась въ зрѣніе и невольно восхищалась этимъ граціознымъ созданіемъ...

Долго сказывается сказка,—летитъ время въ дѣйствительности... Близо раздавшійся лай собакъ, быстрый поворотъ пушистаго хво-

ста скользнувшей въ кусты кумушки, два безотчетныхъ выстрѣла—куда? не знаю! съ ревомъ пронесшаяся мимо меня стая—вотъ, что промелькнуло въ моей памяти, когда я пришла въ себя.

Минуту спустя я уже была на опушкѣ; вдали виднѣлся скакавшій охотникъ. Оказалось, что лиса отыгралась и отъ борзяковъ, успѣвъ канавкой добраться до оврага, гдѣ и разметала собакъ.

Неудавшаяся встрѣча съ лисой, помимо сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня, дала обильную пищу остроумію моихъ товарищей, немилосердно подсмѣивавшихся надо мной.

Конецъ этого охотничьяго денька для меня уже не существовалъ; всю ночь утренняя неудача преслѣдовала меня даже и во снѣ. Мнѣ снилось, что я пріѣзжаю съ охоты домой—и что-же? дѣвушка, отворяя дверь, преподноситъ мнѣ лису, которую она только что застрѣлила; вхожу въ залу—экономка, съ застрѣленной лисой въ рукахъ, встрѣчаетъ меня тамъ. Чуть сдерживаясь отъ досады, я спѣшу въ дѣтскую, отворяю дверь, гляжу—няня на колѣняхъ тютюшкаетъ бѣлогрудую лисичку, насмѣшливо поглядывающую на меня...—Молодецъ! хороша! Эхъ, барынька! звенить у меня въ ушахъ. Ухъ, да вѣдь это сонъ! думается мнѣ. Дѣйствительность же казалась еще горче.

Уже полтора года прошло со дня этого памятнаго для меня событія, а до сихъ поръ я помню мельчайшія его подробности и скорблю о своей неудавшейся встрѣчѣ съ хитрой кумушкой.